

М. Н. Веселова

Модели поведения в исторических городах: вопросы освоения русской градостроительной культуры

Исторический город является хранителем культурной памяти народа. В нем складываются различные формы человеческого общежития, или так называемые модели поведения. В настоящее время с особой остротой выявляется тенденция формирования «негативного» социального сценария. Ключевым моментом в предотвращении этой проблемы должно стать возрождение культурного наследия исторических городов.

Ключевые слова: исторический город, модель поведения, русская градостроительная культура, городская среда, городской менталитет, культурное наследие, историческая память

Maria N. Veselova

Behaviour patterns in historic towns: research on Russian town-planning culture

A historic town is a storage of people's cultural memory. Different forms of human society, or the so-called behaviour patterns, are shaped in it. Currently there is a clear-cut tendency to develop a «negative» social scenario. The revival of the cultural heritage of historic towns must become a key aspect in prevention of this problem.

Keywords: historic town, behaviour pattern, Russian town-planning culture, urban environment, city mentality, cultural heritage, historical memory

Исторический город занимает особое место в системе социокультурных интерпретаций. Он интегрирует в себе различные временные и культурные коды, образы, смыслы; воплощает мемориальные, археологические, этнографические, художественно-эстетические, научные, градостроительные ценности культуры, в связи с чем включается в охранные реестры органами государственной власти¹.

Однако понимание исторического города как носителя материального и духовного наследия нации не исчерпывает его социального содержания. Исторический город существует только во взаимосвязи с формами человеческой деятельности. В данной системе отношений личность одновременно становится творцом и продуктом. С одной стороны, человек, «погруженный в культурное пространство, неизбежно создает вокруг себя организованную пространственную сферу»². Исторический город приобретает свою самобытность, значимость, индивидуальность. С другой стороны, сама пространственная сфера оказывает непосредственное влияние или, как считает Х. Мюррей, «средовое давление»³ на общество. В результате взаимодействия исторического города и человека формируется особый социальный сценарий, в котором отражается отношение горожан к своему культурному наследию, складываются определенные стереотипы, мировоззренческие установки, ценностные ориентации, потребности, привычки, вкусы, специфическая социаль-

но-пространственная идентичность. Иными словами, формируется городская модель поведения. Она зависит как от содержания социокультурного пространства, так и от комплекса индивидуально-личностных особенностей и эмоционально-интеллектуальной активности воспринимающего.

Особый интерес сегодня представляет изучение городского менталитета и процессов трансформации моделей поведения в исторических городах. Каждая эпоха вносит свой вклад в формирование социальных сценариев. Через механизмы массового сознания и различные (например, правовые, образовательные, религиозные) процедуры и институты на протяжении ряда поколений поддерживается ментальность горожанина. В зависимости от этапов развития русской градостроительной культуры условно можно выделить несколько моделей поведения в исторических городах.

Древнерусский период характеризуется быстрым ростом городов как в количественном, так и в качественном отношении. В это время были основаны такие населенные пункты, ставшие объектами культурного наследия, как Смоленск (862), Белозерск (862), Ростов (862), Ярославль (988–1010), Владимир (1108), Торжок (1139), Великий Устюг (1207), Галич (1238) и др. В них (раньше, чем в городах средневековой Европы) появились первые элементы благоустройства – деревянные мосты и водопроводы, высокого уровня достигли культура и искусство.

Первостепенное значение при этом в мировосприятии горожан занимала сакральная идея. Нередко сам город в просторечии отождествлялся с собором. Об этом свидетельствуют, к примеру, такие выражения, как «поехать ко святой Софии», что по контексту могло означать паломничество или в Киев, или в Новгород, или в Полоцк, поскольку алтари главных соборов в этих городах были освящены в честь святой Софии. Поэтому можно говорить о религиозной модели поведения в древнерусских городах. Она основывалась на устремленности к духовному началу, смирении, аскетизме, любви к ближнему. Так, например, в «Сказании о Борисе и Глебе» в лице князя дается образец для подражания:

Съ убо благовъръный Борисъ благого корене сый послушльивъ отьцю бѣ, покаряся при всемъ отьцю... Свѣтятся цесарьскы, крѣплькъ тѣльмъ, всьячскы украшень акы цвѣтъ цвѣтый въ уности своей, в ратьхъ хрѣбрьъ, въ свѣтъхъ мудръ и разумънь при всьемъ и благодать Божия цвѣтяше на немь⁴.

Особое значение при этом приобретало следование благопристойным примерам. В «Слове некоего отца къ сыноу своему, словеса душеполезная» говорится: «Техъ норовы прими и порасудой деломъ ихъ, взишти кымъ путьмъ идоша и кою стъзею текоша». Для облегчения самовоспитания отец советует сыну поискать в граде, в котором он живет, какого-нибудь богобоязненного человека «и томуо всьєю силою слоужяштя»⁵, отражать все его привычки, манеру поведения и общения. Это позволяло древнерусскому горожанину чувствовать себя частью социального мира, следовать установившимся традициям.

С конца XIII – начала XIV в. началось объединение русских земель вокруг Москвы, ставшей знаменем национально-освободительной борьбы против монголо-татарского нашествия. Расцвет каменного строительства, пришедшего на смену деревянным постройкам, сопровождался в большинстве случаев сохранением прежних градостроительных традиций и планировочных решений (хотя стремление к едино организованной структуре наметилось уже в конце XV – начале XVI в.). В это время появились такие города, как Таруса (1246), Астрахань (1334), Каргополь (1380), Сольвычегодск (1492), Шуя (1539), Верхотурье (1597), Томск (1604), Иркутск (1661) и др. В сложные годы укрепления Русской державы каменная культовая архитектура была призвана усиливать идейные основы государственности. Мощные оборонительные по-

стройки внушали чувство непобедимости, силы духа, самоотверженности. Так, белокаменный Московский Кремль к концу XV в. напоминал настоящее фортификационное сооружение, по образцу которого возводились архитектурные памятники в других городах (Нижнем Новгороде, Коломне, Ивангороде, Туле, Зарайске). Даже несмотря на участие в перестройке Московского Кремля иностранных зодчих, он отражал глубоко национальный характер русского народа. В это время наряду с религиозной идеологией была сформирована патриотическая модель поведения. Она придавала горожанину ощущение единства, стабильности, устойчивости и защищенности.

Иная модель поведения сложилась в исторических городах, созданных или получивших статус города в XVIII – начале XIX в. (Санкт-Петербург (1703), Белорезк (1762), Вольск (1780), Чистополь (1781), Елабуга (1781), Нальчик (1817) и др.). Их отличительной особенностью являлась регулярная планировка, применяемая государственными деятелями по аналогии с западными городами. Устройство прямолинейных улиц и прямоугольных кварталов, просторных торговых и городских площадей, типовое проектирование, использование планировочных и архитектурных систем европейских стилей – барокко, рококо, классицизма, ампира – это лишь некоторые черты данного периода, наложившие существенный отпечаток на мировосприятие горожан. Во многом оно опиралось на европейский образец, начало которому было положено Петром I. Парадность, представительность, привилегированность и одновременно наигранность, театральность, некое подобие «жизненного спектакля» сосуществовали на одной авансцене и составляли основу придворно-аристократической модели поведения. Освоение новых территорий и активное взаимодействие с другими культурами выстраивало горизонтальную ориентированность городского пространства и его открытость для инноваций. Это в свою очередь определяло естественный порядок отношений между людьми, основанный на законах государства и природы, рациональности и целесообразности, а не predetermined божественным замыслом.

Совершенно непохожую на предшествующие периоды модель поведения породила небольшая группа исторических городов, созданных во второй половине XIX – начала XX в. – времени бурного роста промышленности и торговли, широкого строительства фабрик и заводов, железных и шоссейных дорог. Они вошли в список охраняемых объектов в соответствии с постановлениями органов го-

Модели поведения в исторических городах...

сударственной власти 1970, 1990, 2001 гг. К ним отнесли города, сыгравшие значительную роль в истории страны (военную, экономическую, политическую) и ставшие своеобразными символами своей эпохи (Чита (1851), Мариинск (1856), Майкоп (1858), Владивосток (1860), Орск (1865), Уссурийск (1866), Иваново (1871), Новосибирск (1894), Сочи (1896), Кызыл (1914), Энгельс (1914), Мурманск (1916), Элиста (1930), Джерзинск (1930), Новокузнецк (1931), Магнитогорск (1931), Комсомольск-на-Амуре (1932), Магадан (1939) и ряд других городов). Модель поведения горожан в них попадала под влияние промышленного развития страны. Образцом для подражания являлся деловой тип личности, трудолюбивой, ответственной, дисциплинированной, предприимчивой, готовой к суровым испытаниям и героизму. Модель поведения полностью соответствовала рационально осмысленным, индустриальным планировочным проектам.

Однако в современных условиях рыночной экономики взаимоотношения между человеком и городом коренным образом меняются. Ломка устоявшихся ценностей нивелирует исторические особенности многих городов и определяет процессы формирования в них идентичной, постиндустриальной модели поведения. Она приходит на смену религиозным, национально-патриотическим, придворно-аристократическим, индустриальным сценариям. Исторические города постепенно приводятся к единому стандарту, отвечающему потребностям существования. Строительство становится варварским вмешательством в композиционное городское пространство, нарушая целостность его восприятия. Новые архитектурные ансамбли буквально врываются в естественное окружение, подавляя и разрушая его гармоничные связи.

События прошлого начинают терять свою значимость для современной культуры. Потребительские отношения превращают исторический город лишь в символ самобытности. Древние улицы воспринимаются как привычные маршруты, дома и памятники – как объекты назначения. Исторический город оценивается с точки зрения комфортности существования в нем. Смыслом и значимостью наделяются только те объекты, которые связаны с событиями собственной биографии. Все остальное не вызывает ни исторических воспоминаний, ни каких-либо ассоциаций.

Постоянно ускоряющийся темп жизни в современных исторических городах изменяет систему социальных отношений. Общепринятыми становятся краткосрочность и анонимность межличностных связей, что в свою очередь приводит к формированию так называемого «обще-

ства одноразовых стаканов»⁶, вызывает у горожан ощущение затерянности и дискомфорта, напряженность, беспокойство, раздражительность и агрессивность. Выдающийся французский архитектор XX в. Ле Корбюзье отмечает, что плавные и лаконичные формы всегда создают атмосферу спокойствия и умиротворения. В то же время резкие и ломаные линии негативно сказываются на нервной системе. Они нередко вызывают чувство усталости, раздражения или дискомфорта⁷. К примеру, достаточно одного взгляда на крепкие коренастые памятники Суздаля, чтобы ощутить его гостеприимство, добродушие и открытость. И вполне очевидно, насколько агрессивно и перегружено пространство мегаполисов с их современным ландшафтным дизайном.

Техногенная среда поработает человека, заставляет его забыть о подлинном предназначении исторического города. «Громкие шумы, едкие клубы дыма, вибрации, загрязненность и запыленность, плотные транспортные и людские потоки, толчея и агрессивные разнообразные раздражители среды крупного города все чаще становятся для всех горожан источниками дискомфорта, отрицательных ощущений физиологического и психического характера»⁸. Город оказывается «контейнером культуры», в котором смешиваются все отходы жизни.

При этом большое значение приобретает характер заселенности исторического города. В современных условиях важно провести различия между поведением жителей малых, средних и крупных исторических городов (с населением до 500 тыс. жителей) и исторических городов-миллионеров.

В малых (Суздаль, Галич, Гороховец, Плес, Енисейск, Тотьма, Каргополь и др.) и средних исторических городах (Вольск, Елабуга, Кинешма, Чистополь, Шуя и др.) с населением до 100 тысяч, жители ведут спокойный, размеренный и осмысленный образ жизни, опираясь на опыт предшествующих поколений. В таких населенных местах формируется атмосфера дружелюбия и взаимной поддержки, ответственности и реальной оценки своих способностей. Вместе с тем в больших и крупных исторических городах (Коломна, Елец, Дербент, Кострома, Владимир, Смоленск и др.) с населением от 100 до 500 тысяч жителей появляются новые возможности для творческой самореализации, личностного роста, выбора способов и форм жизнедеятельности, повышается общий тонус и активность, мобильность, оптимистичное отношение к окружающим и к среде проживания.

В исторических городах с населением выше 500 тысяч жителей (Астрахань, Томск, Ярославль,

Санкт-Петербург) в поведении горожан сказывается внешняя перегруженность и интенсивность, замкнутость и индивидуализм, несоответствие желаемого и выполнимого, равнодушие, низкий уровень отзывчивости, отчужденность, обезличенность, избирательность в отношениях, дефицит социальной ответственности, прагматизм. Ярким наглядным примером взаимодействия современного социокультурного пространства и человека могут служить инсталляции американского фотохудожника Спенсера Туника (Spencer Tunick). В них очень точно схвачена агрессивная, поглощающая среда мегаполиса: горожанин обнажен на виду у всех, и в то же время он теряется в толпе, становится незаметным и ненужным. Иначе говоря, формируется модель «негативного» поведения.

В этом плане показательны социологические исследования Т. В. Абанкиной. На основании проведенного в течение десяти лет изучения исторических объектов, автор делает вывод, что в крупнейших областных центрах около 50% говорят о том, что им скорее не нравится сегодняшняя облик города, а 20% – не нравится совсем. В восприятии города при этом фигурируют такие доминанты, как «грязный», «скучный»⁹. Подобное отношение во многом объясняется современными тенденциями развития городской промышленности, однотипной застройки, массовой стандартизацией. Безусловно, накладывает свой отпечаток интенсивный темп жизни и соответствующая ему система потребительских ценностей.

Таким образом, модель поведения горожан в современных исторических городах вступает в противоречие с моделями, сложившимися до XX в. В условиях постоянного стремления к новизне очевидным становится утрата связей с прошлым, потеря самобытности и разорванность с естественным окружением. Это порождает массу проблем для современного горожанина и неизбежно заставляет искать пути преодоления процессов формирования «негативной» модели поведения. Первостепенное значение, конечно, имеет возрождение традиционных ценностей, реконструкция прошлого в условиях настоящего. Ведь культурное наследие является фундаментом духовного развития отдельной личности и общества в целом. Оно ненавязчиво воздействует на сознание горожан, напоминая о творениях прошлого, воспитывая чувство уважения и долга перед поколениями, любовь к произведениям искусства. В соответствии с традицией создаются художественные формы, удерживается архитектурный стиль

как образец, сохраняются привычные нормы, ценности и идеалы. Культурная память служит важнейшей составляющей самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом. Она поддерживает качество жизни в исторических городах даже в условиях современного утилитарного строительства.

Кроме того, в настоящее время важным является восстановление целостного образа города. В нем следует объединить свойства открытого и закрытого пространства, природного и урбанизированного, традиционного и инновационного, комфорта и свободы и тем самым создать условия для поддержания эмоционального благополучия и гармоничного развития человека.

Примечания

¹ Об утверждении нового списка исторических населенных мест РСФСР: постановление коллегии Минкультуры РСФСР от 19.02.1990 № 12, коллегии Госстроя РСФСР от 28.02.1990 № 3, Президиума Центр. совета ВООПИК от 16.02.1990 № 12 (162) // Bestpravо.ru: информ.-прав. портал. 2007–2012. URL: <http://www.bestpravо.ru> (дата обращения: 18.05.2012); О федеральной целевой программе сохранения и развития архитектуры исторических городов (2002–2010 гг.): постановление Правительства РФ № 815 от 26.11.2001 // СЗ РФ. 2001. 17 дек. № 51. Ст. 4894; Об утверждении перечня исторических поселений: приказ М-ва культуры РФ, М-ва регион. развития РФ № 418/339 от 29.07.2010 // Правовой портал в сфере культуры: информ.-справ. база нормат. док. по культуре. М., 2003–2012. URL: <http://pravo.roskultura.ru> (дата обращения: 18.05.2012).

² Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство, 2000. С. 334.

³ Murray H. A. *Toward a classification of interaction // Toward a general theory of action.* Cambridge: Harvard Univ. Press, 1951. P. 434–464.

⁴ Сказание и страсть и похвала святыню мученику Бориса и Глеба // Библиотека литературы Древней Руси / РАН, ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева и др. СПб.: Наука, 1997. Т. 1: XI–XII вв. С. 26.

⁵ *Изборник 1076 г.* / под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1965. С. 191.

⁶ См.: Тоффлер А. *Футурошок.* СПб.: Лань, 1997.

⁷ См.: *Архитектура современного Запада* / под ред. Д. Аркина. М.: Изгиз, 1932.

⁸ Голд Дж. *Психология и география: основы поведен. географии.* М.: Прогресс, 1990. С. 170–181.

⁹ Абанкина Т. В. *Облик города в восприятии горожан исторических и новых промышленных городов // Человек и город: пространства, формы, смысл: междунар. конгресс, 27–30 июля 1995 г., Санкт-Петербург* / отв. ред. А. А. Барбанов. Екатеринбург: Архитектон, 1998. Т. 2. С. 46.